

Секция «Востоковедение, африканистика»

Исторические взгляды Араи Хакусэки (на основе его исторических сочинений)

Фомичев Александр Александрович

Студент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Исторический факультет, Калуга, Россия
E-mail: gakusei18@rambler.ru

Одним из самых значимых ученых эпохи Эдо являлся философ Араи Хакусэки (1657-1725), занимавший важное положение при дворе сёгунов. Хакусэки был очень образованным и эрудированным для своего времени человеком, прекрасно знавшим китайскую классическую литературу и мысль, но помимо этого, он интересовался Западом и тем, что происходит за пределами Японии в целом. Помимо этого, он также владел нидерландским языком, что открывало ему доступ к западным научным трактатам [4].

Образованность Хакусэки позволила ему приблизиться ко двору Токугава. При шестом сёгуне из этой династии, Токугава-но Иэнобу, он получил должность советника, и кроме того, он являлся наставником сёгуна по некоторым важным вопросам, таким, как внешняя политика (в частности, Араи пытался вести переговоры с подвассальной Китаю Кореей об уравнивании в статусе сёгуна и корейского государя) [4]. При преемнике Иэнобу, Токугава-но Иэцугу, Хакусэки был присвоен титул хатамото («самурай под знаменем»), что означало также и наделение его земель. Но с восхождением на престол восьмого сёгуна, Токугава-но Ёсимунэ, влияние Хакусэки при дворе ослабевает, что было связано с изменениями в политике сёгуната и упрочением власти, поскольку Иэнобу и Иэцугу были слабыми правителями: первый - в силу влияния на него Хакусэки и личного секретаря Манабэ Акифуса, а второй - в силу юного возраста.

Однако политика самого сёгуна Токугава-но Ёсимунэ в какой-то мере благотворно действовала на увлечение Араи Западом. Ёсимунэ, сменив умершего в возрасте всего семи лет Иэцугу, пришел к выводу, что в стране произошли настолько серьезные изменения, что правящий режим нуждается в реформировании, чтобы отвечать тому обществу, которое сложилось за сто лет правления династии Токугава. Поэтому учение рангаку и изучение Запада при восьмом сёгуне Токугава начало обретать твердую почву под ногами, хотя и не стало полностью легальным - скорее полуполевым.

Будучи представителем школы *рангаку*, Араи Хакусэки высоко оценивал западное знание. Оставаясь по духу неоконфуцианцем, он понимал, что необходимо изучать западную жизнь и западное начало, даже находясь в условиях фактической изоляции почти от всего мира. В первую очередь Хакусэки исходил из того, что изучение Запада важно для понимания замыслов европейцев, к которым сёгунат относился крайне настороженно. Постигая западную науку, мыслитель усваивал тем самым и западную методологию, основанную на рационализме, чуждом исконно японской ментальности. Как известно, традиционная японская наука базировалась на буддийской, а затем и неоконфуцианской философии, и оба эти направления не представляли собой нечто чуждое - буддизм был воспринят японцами еще в самом начале складывания японской цивилизации и государственности, в V веке, а неоконфуцианство было очень близким по

духу японцам. Но Хакусэки выступал против официальной науки, которая фактически являла собой синкретизм мистики, мифологии и знаний о реальной действительности. Он полагал, что подобное «знание» *«превращает человека в глупца, лишает его истины»* [4]. Ему было чуждо то, что было привычно многим поколениям японцев, и лишь потому, что он искал истину.

В полной мере рационализм Араи Хакусэки проявился в его исторических сочинениях, в частности – «Токуси ёрон» («Размышления над историческими книгами» или «Уроки, полученные от истории») и «Косицу» («Очерк древней истории»). Здесь Хакусэки обрушился с критикой на официальные исторические сочинения – «Кодзики» и «Нихонги», истолковывавшие историю с религиозно-мифологической точки зрения, и даже усомнился в их подлинности, что для его времени явилось настоящим вызовом. Хакусэки склонен был доверять тем данным, которые содержались в китайских хрониках (таких, как «Записи трех царств» (*Сангокуси*)), считая их более достоверными с исторической точки зрения; такой вывод ученый сделал, исходя из того факта, что «Нихонги» фактически содержали в себе выдержки из «Сангокуси», и потому китайский источник следует признавать первоисточником [3]. Критический подход к материалам, как и рационалистическая методология, явились подлинным новаторством для японского исторического знания.

Помимо критического подхода, Араи Хакусэки активно использовал в своих исторических трудах и сравнительный метод, сопоставляя источники (преимущественно – китайские и японские) между собой и пытаясь на основе этих сравнений выявить истину. В частности, именно на основе сравнительного метода он выстроил новую периодизацию истории Японии, основанную не на «божественном начале», а на смене форм правления. Схема Хакусэки насчитывает «девять смен государственного порядка» и «пять смен сёгуната» [3]; таким образом, в ней 14 периодов. Возникновение сёгуната является своеобразным «рубежным периодом», поскольку оно и завершает цикл из 9 стадий «смены государственного порядка», и открывает новый цикл «смены самого сёгуната»; здесь явно прослеживаются элементы циклической схемы строения исторического процесса, что может являться как рационалистическим элементом, так и присущим японской ментальности представлением о циклах в природе и мире.

Говоря о первой стадии «смены государственного порядка», Хакусэки затрагивает вопрос и о древнейших временах существования Японии. В «Косицу» историк пытается опровергнуть столетиями устанавливавшееся представление о заложении японской государственности в глубокой древности, свершенном императором Дзимму. Хакусэки полагает, опираясь на китайские источники, что поход императора Дзимму мог иметь место, но намного позднее, чем то сообщается в «Кодзики», и относит его по времени на 600 лет вперед. Соответственно, и начало истории Японии он относит к тем же временам [3]. Как можно заметить, и здесь Хакусэки отвергает религиозно-мифологическую составляющую, размышляя целиком и полностью в духе рационалистических установок.

Однако когда Араи Хакусэки касается вопроса о сёгунате, он оказывается близким по духу представителям школы «национальных наук» (*кокугакука*), которых так же, как и официальную науку, подвергал критике. Историк не склонен видеть в сёгунах узурпаторов верховной власти, несмотря на то, что власть императора исторически более древняя, чем сёгунская (а именно из этой посылки исходили представители ко-

кугакуха), но в то же время неистово критикует режим Токугава, сопоставляя его с прошлым, и приходит к такому выводу: установившийся строй повернул развитие Японии лишь в худшую сторону [2, с. 615-616]. Идеалом для Хакусэки в каком-то смысле являются времена до Токугава: «Люди в то время поступали справедливо и придерживались принципов, весьма отличных от сегодняшних», - писал он в автобиографическом *дзуйхицу* «Собрание и сжигание хвоста» («Оритаки сиба но ки») [1]. Сёгунат как историческое явление Хакусэки рассматривал в качестве закономерного этапа «смены государственного порядка», но сущность последнего сёгуната принимать не хотел [4].

Таким образом, исторические воззрения Араи Хакусэки для своего времени можно считать новым взглядом на историческую науку и исторический процесс в целом. Хотя он и оставался неоконфуцианцем, его методология, основанная на рационализме, явилась качественным переосмыслением истории, и несомненно, заложила базу для новых исследований.

Литература

1. Араи Хакусэки. Оритаки сиба но ки (Собрание и сжигание хвоста): <http://www.sohey.ru/>
2. Cambridge History of Japan. Vol. 4: Early Modern Japan. Cambridge University Press, 2006.
3. Nakuseki Arai. Lessons from History: The Tokusei Yoron. New York, 1982.
4. Weasley W. G., Pulleyblank E. G. Historians of China and Japan. Oxford: Oxford University Press, 1961.

Слова благодарности

Автор выражает глубокую благодарность своему научному руководителю - Казаку Максиму Анатольевичу, который направлял его работу и давал необходимые советы по ее правке и представлению.